

Т. А. ГРИДИНА
г. Екатеринбург, Россия

УДК 81'23:81'42

«УЖЕ ИЗОБРЕТЕН ВЕЛОСИПЕД?»: КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье описывается тренинг вербальной креативности с применением технологии создания коллективного стихотворного текста. Данная технология представляет собой адаптированный к задачам тренинга вариант психолингвистической методики вероятностного прогнозирования (завершения /дополнения текста по заданному началу). Факторами, определяющими различия в стратегиях порождения текста, выступают разные когнитивные векторы исходной пресуппозиции, актуализированные респондентами при формулировании идеи. Особым параметром организации поэтического текста выступает рифма, подбор которой во многом задает вариативный спектр возможных вариантов развития сюжета. Индивидуальный лингвокреативный «почерк» каждого из участников тренинга проявляется и в способности к языковой игре – в частности, в репертуаре создаваемых словотворческих инноваций, метафор, стилистической аранжировке текста, интертекстуальных отсылках. Применение данной технологии, создающей атмосферу толерантной соревновательности, является продуктивным способом развития и стимуляции вербальной креативности как в плане коллективного сотрудничества, так и в плане личностной самореализации респондентов.

Ключевые слова: вербальная креативность, тренинг, технологии текстопорождения, психолингвистический эксперимент

Лингвокреативная деятельность охватывает широкий спектр самых различных практик речепорождения. Но, безусловно, способность к стихотворчеству – одна из самых ярких черт креативной языковой личности.

Рассматривая лингвокреативность как феномен, основанный на ассоциативных механизмах ломки и переключения стереоти-

па, мы следуем тому постулату, что этот процесс обусловлен не только и не столько стихийной («компенсаторной») потребностью носителей языка в создании инноваций, сколько осознанной интенцией говорящих к использованию неканонических форм речи (проявляясь прежде всего как стремление личности к самореализации, самовыражению, в том числе в регистре слово- и стихотворчества). Ср., в частности, тот факт, что уже маленький ребенок обнаруживает в процессе освоения языка «врожденное» чувство ритма и рифмы (К. Чуковский), что может быть и признаком поэтической одаренности. Важно подчеркнуть стадийный (зависящий от возраста) характер лингвокреативности, ее обусловленность как индивидуально-психологическими особенностями личности, так и факторами речевой среды и обучения.

Особую роль в развитии вербальной креативности приобретает способность к языковой игре, которая в речевой деятельности конкретных индивидуумов получает разнообразные формы преднамеренного нарушения «границ дозволенного» нормой и узусом.

Вместе с тем задатки креативности (и одаренности) языковой личности далеко не всегда и не у всех реализуются в полной мере, а часто и вовсе нивелируются в условиях повседневной «рутинной» коммуникации, под влиянием речевых шаблонов.

Развитие и проявление лингвокреативных черт личности может быть стимулировано в специально смоделированных условиях тренинга, которые побуждают его участников к нестандартным (нарушающим речевой автоматизм) действиям, принятию самостоятельных решений, «нахождению» методом проб и ошибок оптимальной стратегии выполнения поставленной задачи.

В настоящей статье обобщаются результаты тренинга вербальной креативности, стимулирующего респондентов к созданию игрового стихотворения по заданному началу. В основе этого тренинга лежит адаптированная нами к его задачам экспериментальная методика завершения (дополнения) текста (высказывания), входящая в структуру метода вероятностного прогнозирования (наряду с методикой заполнения текстовых лагун).

Данная методика в сочетании с установкой на создание респондентами стихотворного текста по его первой фразе (предложенной в качестве стимула) в полной мере отвечает действиям в условиях креативной среды, обладающей большой долей неопределенности и требующей нетривиального решения поставленной задачи (при невозможности решить ее привычным способом). Факторами, обеспечивающими вероятностный прогноз текстопорождения, выступают, как известно, пресуппозиции, связанные с развиваемой темой, закон смыслового согласования и типовые контексты словоупотребления, закрепленные в сознании говорящих.

Выполнение предложенного участникам тренинга «нетипового» задания, осложнялось тем, что они должны были создать *коллективный* стихотворный текст, когда каждая новая строка «выдается» очередным респондентом по цепочке – как последовательная реакция на предыдущую. В этом случае «соединяются» векторы индивидуальных и коллективных творческих потенций, стимулируемых возможностями игровой импровизации в ходе решения поставленной проблемы. Сама процедура текстопорождения, использованная в качестве креативной тренинговой технологии, заимствована нами из опыта одной лингвистической игры, придуманной проф. Б.Ю. Норманом и его коллегами еще в 70-80-е гг. 20 в.: «Технология писания была проста: в пишущую машинку вставлялся лист бумаги, кем-то сочинялась первая строка, и машинка пускалась по кругу: каждый по очереди прибавлял по одной строчке. Никаких предварительных договоренностей насчет тематики, стихотворного размера и прочих особенностей будущего произведения не существовало, время же на творчество было ограничено терпением соседа. Исправления – ни своих, ни чужих строк – не допускалось. Но сопровождающих устных подачек и приколов было хоть отбавляй» [Норман 2004: 42].

В описанную процедуру при проведении тренинга с современными студентами (бакалаврами и магистрантами, в основном филологами) были внесены некоторые коррективы: 1) первая строчка стихотворения задавалась экспериментатором (а не «сочинялась» самими участниками тренинга), при этом у рес-

пондентов была возможность выбрать (методом коллективного голосования) одну из предложенных тренером стимульных версий (например, «Уже изобретен велосипед...», «Компьютер – лучшее лекарство...», «Занимайся спортом лыжным..» и др. (приведенные строки – из стихов в упомянутом выше сборнике Б.Ю. Нормана). Возможное содержание будущего стихотворения никак не оговаривалось, каждый участник мог выдвигать любую из приходящих ему в голову версий продолжения текста; 2) если стихотворная строка, придуманная конкретным респондентом, «не вписывалась» в стихотворный размер или рифму, группа включалась в обсуждение и, с согласия автора, данная строчка могла быть скорректирована; 3) если кто-то из участников тренинга предлагал идею, но не мог выразить ее в стихотворной форме или если сама идея продолжения текста не сразу приходила кому-то в голову, к ее формулированию снова могла подключаться вся группа (в том числе и сам тренер. – Т.Г.).

В целом процесс написания стихотворения носил эвристический характер, выявляя спонтанно рождавшиеся идеи и возможности их вербализации в стихотворной форме. «Мозговой штурм» при обдумывании очередной строки создавал атмосферу толерантной соревновательности, стимулируя участников к сотворчеству.

Полученные тексты анализировались в свете тех стратегий и механизмов их создания, которые обнаруживают разнообразные проявления вербальной креативности респондентов. К критериям креативности традиционно относят *беглость* (показатель скорости латентных процессов, обуславливающих количество возникающих за определенное время реакций на заданный стимул – в данном случае это количество предлагаемых версий развития сюжета); *гибкость* – категориальное разнообразие выдвигаемых идей относительно интерпретации одного и того же стимула (способность к дивергентному мышлению): здесь целесообразно различать «семантическую гибкость» (новое толкование вербального стимула без изменения его формы) и «образную адаптивную гибкость» (способность изменить форму стимула так, чтобы придать ему соответствующую смысловую нюансировку); *оригинальность* – «способность устанавливать от-

даленные ассоциации» (см. [Трик 1981: 298-303]). Важным аспектом оценки вербальной креативности, влияющим на степень оригинальности полученного результата, является «сопротивление замыканию» (Е. Торренс) (т.е. способность «отказаться» от желания воспользоваться самым очевидным, быстро приходящим в голову решением).

В нашем случае выбранный для завершения текста стимул – фраза *Уже изобретен велосипед...* (ср. прецедентный прототип *изобретать велосипед*) – задает возможность разной нюансировки ее значения при отталкивании от одной и той же пресуппозиции («не стоит тратить усилий на то, что уже создано»; «не следует выдавать нечто давно известное за собственное новое открытие»; «не существует в науке ничего такого, что еще можно было бы открыть» – все три версии толкования приведены респондентами).

Стратегии текстопорождения определяются с учетом следующих параметров: 1) выбранный стилистический регистр; 2) интертекстуальность; 3) наличие словотворческих окказионализмов; 4) метафорические аналогии; 5) генерализация или конкретизация исходной пресуппозиции в сюжете стихотворения; 6) синтаксическое оформление текста; 7) ритм, размер; 8) особенности рифмы и др.

Рассмотрим с учетом сказанного полученные в тренинге варианты текстов.

Вариант 1. *Уже изобретен велосипед, / Но с этим не согласен «новый свет.. / – Хотим, чтоб счастье в жизни обрести / Науку ДОБРОЛОГИЮ ввести. / Когда в душе проснется эгоизм, / ДОБРОЛОГ пусть пропишет альтруизм, / А если скупость не дает вам спать, / ЩЕДРОЛОГ может щедрость прописать. / От грубости поможет СПАСИБИН / От грусти вас спасет АНТИГРУСТИН. / Апатию пусть снимет РАДОСТИН, / От лени примми ТРУДОЛЮБИН. / ПОЗИТИВИЗОР чаще подключай, / На БЛАГОДАРФЕ ноты подбирай! / Пора изобрести РУТИНОЛОМ, / Пускай войдет свобода в каждый дом!!! / Чтоб мир избавить от душевных бед, / Мы вновь изобретем «велосипед»!*

Развиваемый в стихотворении сюжет связан с переключением аксиоматичного смысла стимульной фразы в иное русло (альтернативой техническим достижениям становятся человеческие качества и эмоции, утрата которых в современном мире влечет за собой душевное опустошение, саморазрушение). Идея поиска «средств» для обретения счастья выражается целым рядом словотворческих игр (это и обозначение новой науки, которая могла бы избавить человечество от нравственной деградации, и номинации ученых-специалистов в области этой науки, и конкретные названия «лекарств» от эгоизма, скупости, грубости, лени, апатии, рутинного существования). Все созданные окказионализмы имеют условно-игровой, символический смысл. Основой их создания являются номинативные модели соответствующей тематической специализации: **аффиксация** с типовыми формантами (доброЛОГИЯ, доброЛОГ, щедроЛОГ; спасибИН, радостИН, трудолюбИН, АНТИгрустИН, ср. прототип *антигриппин* и многочисленные названия лекарств с финалью –ин: *анальгин, папаверин* и т.п.), **сложение с нулевой суффиксацией** (РУТИНоЛОМ «то, что ломает рутину, избавляет от нее») и **контаминация** (ПОЗИТИ/В/ИЗОР – телевизор, транслирующий только то, что вызывает положительные эмоции; БЛАГОД/АР/ФА – инструмент, игра на котором взывает к добрым чувствам), ср. ассоциативную связь данной инновации с мотиваторами *арфа, благодарить, благо, дарить, дар*. Эффект междусловного наложения усиливает оригинальность фонетической формы игрового слова, что повышает его креативный «статус». В совокупности именно словотворческие игры, последовательно маркирующие переход к каждой новой микротеме, выполняют роль сюжетообразующих «скреп» в процессе коллективного текстопорождения.

Парная концевая рифма оказалась для респондентов данной группы наиболее простым и удобным «механизмом» стихосложения. Процедура создания каждой новой строчки начиналась чаще всего с подбора рифмы из числа возможных формально-смысловых ассоциатов к последнему слову предыдущей строки – при «сохранении» заданного начальной фразой стихотворного размера. Удачно найденная рифма в известной степени «подска-

зывала» возможное направление разработки (детализации) общей идеи. Ср.: Хотим, чтоб счастье в жизни *обрести*, науку Добрологию *ввести* (ассоциаты, связанные в тексте как обозначение цели и средств ее достижения), *эгоизм – альтруизм* (антонимы, намечающие базовую смысловую оппозицию), *спасибин – антигрустин, радостин – трудолюбин* (тематически связанные одноструктурные ассоциаты) и т.п. Критерий *разработанности* возникающей идеи рассматривается психологами (в частности, Е. Торренсом) как один из важных показателей креативного процесса. В этой связи отметим «естественное» распределение респондентов в ходе создания текста на «генераторов» и «разработчиков». Соединение усилий тех и других способствует достижению успешного результата. Завершающий фрагмент в кольцевой композиции стихотворения создает антонимическую «переключку» первой и последней строк, опрокидывая исходный тезис. Финальная фраза (*мы вновь изобретем «велосипед»*) звучит как призыв вернуться к базовым (духовным) ценностям существования человека в этом мире.

Тренинговая составляющая такой технологии написания текста состоит в постепенном вовлечении респондентов в сам процесс поиска креативного решения, сопровождаемого переходом от ориентировочного этапа к инсайту (через преодоление фрустрации, которая возникает на стадии обдумывания вариантов продолжения текста), в результате участники тренинга приобретают собственный «опыт» творческого поиска и осваивают игровой регистр стихосложения. Возможность нетривиального самовыражения (даже при следовании общему замыслу) в ходе такого тренинга сохраняется для каждого.

Рассмотрим в этом ключе (уже не так подробно) творческие находки других групп респондентов в представленных ниже вариантах продолжения текста по тому же заданному началу.

Вариант 2. *Уже изобретен велосипед, / Но нет лекарства от вселенских бед, / Все шире, глубже черная дыра... / Планету нам, друзья, спасать пора! / Страшной дыры – души опустошенные, / Тупик душевный жаждет омовенья. / Сквозь лабиринт тоски любовь ведет / Туда, где КТО-ТО у порога ждет. / Пора изобрести ОБЪЕДИНИН, МИРОТВОРИН и СТОП-*

АНТИЧЕРСТВИН. / Пора на свалку сдать РАЗЪЕДИНИН, ВРАЖДОТВОРИН и АНТИЭМОТИН. / И пусть изобретен велосипед, / Смотри на мир, как будто ты ребенок, / И выходи за рамки из пеленок, / Чтобы познать гармонии секрет.

Совершенно очевидно, что по развиваемой идее данное стихотворение близко к предыдущему (см. Вариант 1), однако здесь проблема «души опустошенья» гиперболизируется, представляется как даже более значимая, чем «вселенские беды (черные дыры)», от которых «пора спасти планету». В тексте представлена цепь развернутых метафор с символикой преодоления «внутренней несвободы», эмоционального опустошения: **тупик душевный жаждет омовенья, сквозь лабиринт тоски любовь ведет, познать гармонии секрет.** Ряд этих метафор, транслирующих всплывающие в сознании респондентов клише высокопоэтического стиля (ср. также характерный для романтической поэзии оборот *кто-то у порога ждет* с неопределенноличным местоимением в обобщающей функции), сменяется в ходе коллективного стихотворчества экспрессивно-разговорной фразеологией и лексикой (*пора на свалку сдать....., выходи за рамки из пеленок, смотри на мир, как будто ты ребенок*). Две последних фразы явно объединены цепной ассоциативной связью (ср.: ребенок – «tabula rasa» – мир глазами ребенка). Отдельно отметим серию окказиональных словотворческих игр, которые представляют собой своеобразную текстовую подсистему, выстроенную по принципу антонимии: ср. *объединин – разъединин, миротворин – враждотворин, стоп-античествин – антиэмотин*. Созданные по одной модели, имитирующей, как и в предыдущем тексте (вариант 1), названия лекарственных препаратов, эти номинации создают «каркас» ключевых слов, пунктирно обозначающих основы («рецепты») гармоничного существования человека в обществе. По своей композиционной организации и воздействующей направленности стихотворение в целом напоминает рекламный текст: констатирующая модальность первой части (короткие предложения в виде сентенций) в завершающем фрагменте переходит в императивную («призывную»).

Вариант 3. Уже изобретен велосипед, / Но некоторым до сих пор нейдет: / Таких идей вам накидают вслед, / Что и мудрейший в них не разберется: / «Давайте-ка мы сотворим скамью, / А позади к ней лошадей приладим, / Чтоб можно было посадить семью / И образом таким семейный быт наладить. / А, может, в стенке создадим дыру, / Что будет даже дофона круче? / Пришел к Вам гость – и весь он на виду. / Изобретенье назовем глазком, на всякий случай. / Или запустим в небо дивный шар, / И мир предстанет, словно на ладони, / И разожжем в душе любви пожар / Под стаей гончих псов на небосклоне». / И хоть изобретен велосипед, / Но двигателя вечного все ж нету ... / Мечтать не перестанет белый свет / Когда-нибудь поймать за хвост комету.

В отличие от двух предыдущих текстов (см. варианты 1,2), в данном стихотворении идея изобретательства предстает и как неотъемлемый атрибут обыденной жизни человека (самореализации личности в проявлении смекалки, испытании своих возможностей, интеллекта, чувств, эмоций в противовес «серой» действительности), и как извечное стремление человечества постичь непостижимое и преодолеть непреодолимое (...*поймать за хвост комету*). Созданный коллективный текст выдержан в шутивно-ироническом ключе, что, в частности, выражается в эклектическом смешении разговорной (*неидет, накидают, приладим, посадить, круче, все ж нету*) и книжной, в том числе высокой лексики (*мудрейший, сотворим, скамья, создадим, дивный*), а также в придумывании респондентами целого ряда «абсурдных» проектов, которые, по сути, и есть «изобретение велосипеда», но в то же время это и эпатажная попытка опровергнуть максимум о невозможности новых открытий. Специфической чертой данного текста является использование метафор (правда, преимущественно клишированных) и устойчивых сравнений (ср. *разожжем в душе любви пожар, мир предстанет, будто на ладони*), которые в контексте развиваемой сюжетной версии «отсылают» и к прямому смыслу этих выражений. Интересно обыгрывается соотношение образного и буквального планов восприятия «космической метафоры» в заключительной строке стихотворения (*Мечтать не перестанет белый свет ко-*

гда-нибудь **поймать за хвост комету**), ср. контаминацию фраземы *поймать удачу за хвост* и *хвост кометы*). Креативным шагом является использование прецедентного факта из области науки (*Но двигателя вечного все ж нету*) как контраргумента к исходному тезису. В целом можно заключить, что создание текста проявляет спонтанную семантическую и образную адаптивную гибкость как наиболее продуктивные для данной группы респондентов параметры креативности.

Вариант 4. Уже изобретен велосипед, / *И новости какой-то в этом нет,* / *Ведь даже прогрессивный старый дед / Уж пересел на импортный мопед.* / *Но двигатель науки не угас,* / *Отправим экспедицию на Марс,* / *И в этом нам поможет Илон Маск – / Он собирается туда как раз.* / *Тем самым отвлечем мы наш народ / От разных политических забот.* / *Когда не прижимает гравитация,* / *Мгновенно возникает левитация.* / *И, разум с космосом скрестив,* / *Шаблоны мысли удалив,* / *Начнем все с чистого листа,* / *Ведь с гениальностью граничит простота.*

Первая реакция на заданную фразу – констатация известного факта (*И новости какой-то в этом нет*) – подкрепляется остроумной ассоциативной аналогией, представляющей идею «научный прогресс неостановим» в визуальном символическом образе (*Ведь даже прогрессивный старый дед уж пересел на импортный мопед*). При этом обыгрывается буквальный смысл исходного выражения (ср. *мопед* как своего рода «продвинутую» модель велосипеда). Развитие этой экспозиции идет по предсказуемому руслу – с использованием метафорического клише (*двигатель науки не угас*) и популярной версии освоения космического пространства (*отправим экспедицию на Марс*). Однако следующая строка, придуманная одним из респондентов, содержит неожиданный поворот (конкретизацию ситуации через отсылку к прецедентному имени – Илон Маск; отметим и оригинальность паронимической рифмы *Марс – Маск*). Ср.: **Илон Маск** – канадско-американский инженер, предприниматель, изобретатель и инвестор; миллиардер, выдвинувший идею создания космического Интернета для Земли и Марса. И далее – еще один ассоциативный «сдвиг» в разработке идеи, отступление, связанное с политической (манипулятивной) подопле-

кой сенсационных новостей. Следующая строка интересна созданием своеобразного шутливо-иронического афоризма с использованием терминов (*гравитация и левитация*), транслирующего идею невесомости (как непосредственно, буквально связанную с темой космоса) и в то же время имеющего символический смысл «выхода в космическое пространство как в зону свободного творческого поиска». Следующие две строки метафорически «педалируют» ту же идею (*разум с космосом скрестив, шаблоны мысли удалив*). Завершающий (финальный) фрагмент представляет собой использование устойчивого выражения (*Начать /что-л./ с чистого листа*) и креативную трансформацию известной максимы «*Все гениальное просто*» (ср.: *Ведь с гениальностью граничит простота*). Данный текст проявляет такой вектор лингвокреативности, как способность к переклочению ассоциативных стереотипов.

Вариант 5. *Уже изобретен велосипед, / Последней рифмой
завершен сонет, / Изящного хитросплетенья нот / Уже финальный
отзвучал аккорд./ Хоть старое для нас авторитет, /
Мы с новым установим паритет./ Собрав лихих креаторов
идей, /Мы геном счастья «заразим» людей. /Зеленым мы рас-
красим серый мир, / И засияет небо, как сапфир, /Изобретем
такой телепортер, / Чтоб тот, кто хочет, друга приобрел./
Давайте же объединим умы, / Чтоб вышло человечество из
тьмы, / Чтоб телепорт тот через сотни лет/ Был для по-
томков как велосипед.*

В представленном коллективном стихотворении акцент в разработке заданной темы перенесен в сферу искусства: собственно стихотворчества (*последней рифмой завершен сонет*), музыки (*изящного хитросплетенья нот уже финальный отзвучал аккорд*). Отметим в этих строках имитацию стиля классической поэзии (возможно, намеренно пародийную), поскольку последующий текст «насыщен» номинациями современных реалий: *паритет, креаторы идей, ген счастья, телепортер, телепорт*. В тексте эти стилистические векторы переплетаются (ср. образные сравнения: *засияет небо, как сапфир*, гиперболы: *зеленым мы раскрасим целый мир*; книжные обороты: *приобрести друга*, пафосные экспрессивные призывы типа *объединим*

умы, чтоб вышло человечество из тьмы). Венчающая строка (как почти во всех ранее приведенных текстах) создает кольцевую композицию, в данном случае являясь оригинальной версией прогноза судьбы будущих открытий, которые должны стать частью обыденной жизни человека.

Вариант 6. *Уже изобретен велосипед, / Но есть еще на что искать ответ: / Любовь – это волшебная игра / Или несчастий вечных череда? / Есть в мире справедливость или нет? / Появится в конце тоннеля свет? / И хорошо ль живется на Руси / Тому, кто просит «Господи, спаси!» / Пусть ты велосипеда не создатель, / Но ты своей судьбы изобретатель. / А судьбы – как история миров, / Цените каждую из них – ответ таков!!!*

Данный вариант стихотворного текста интересен тем, что в нем в виде серии вопросов, имеющих в большинстве своем аллюзивный характер, выражено сомнение в справедливости, казалось бы, непреложных истин, определяющих гармоничное существование человека в обществе. При этом акцент в разработке заданной темы смещается из области технической в область «философскую», связанную с поиском ответа на главный вопрос бытия – в чем смысл человеческой жизни? Удачен неожиданный финал, в котором обыгрывается метафора *судьбы изобретатель*, отсылающая к исходному тезису (прецедентной трансформе *уже изобретен велосипед*) и к мысли о необходимости активного «конструирования» каждым человеком собственной жизненной «программы» во всей уникальности этой перспективы. Лингвокреативность респондентов при создании данной версии текста проявляется в комплексной актуализации разнообразных идей с использованием цитатных прецедентов.

В целом оценивая представленные стихотворные тексты, отметим, что их лингвокреативная природа во многом определяется использованием механизмов языковой игры, которая выступает и сюжетообразующим началом, и средством выражения шутливо-иронической оценки, и способом актуализации интертекстуальных связей, и источником словотворчества. Кроме того, важно подчеркнуть операциональную продуктивность использованной тренинговой технологии, когда в процессе коллективного создания текста каждый респондент должен быстро

реагировать на очередную выдвигаемую соавторами идею, проявляя в то же время собственную индивидуальность. Стихотворная форма – особый способ самовыражения, часто выявляющая задатки не только лингвистической креативности, но и поэтической одаренности (см. об этом в: [Гридина 2018: 11-39]). Само погружение в эвристический процесс текстопорождения (в частности, стихосложения) в условиях тренинга (см. [Гридина, Коновалова 2015: 55-64]) – прямой путь к стимуляции и развитию лингвокреативного мышления респондентов. Независимо от результата (большей или меньшей оригинальности коллективного стихотворного текста) все его участники получают ценный опыт импровизации в условиях креативной среды. Непредсказуемость каждого нового поворота сюжета «раскрепощает» фантазию, влекущую за собой потребность поиска адекватных для выражения мысли средств, «апробацию» возможностей языкотворчества.

Подытоживая результаты тренинга, в подтверждение сказанного о специфике креативного поиска в процессе стихосложения, приведем слова И. Бродского, которыми он закончил свою Нобелевскую лекцию: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготая преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [Бродский 1987].

Слова эти справедливы не только для профессиональных поэтов, но и для любого, кто в попытке творения «поэтического слова» и погружении в язык открывает самого себя.

Литература

Бродский И. Нобелевская лекция (1987) [режим доступа: mexalib.com]

Гридина Т.А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография /Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные) // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2015. №1.

Норман Б.Ю. Клоун (стихи разных лет). – Минск, 2004.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального изучения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М., 1981.

©Гридина Т.А., 2019